

Крякин Евгений Николаевич

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ РКП(Б)-ВКП(Б) И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИАСПОРЫ МОСКВЫ В 1920-Е ГГ.

Статья посвящена проблеме взаимодействия партийных органов и национальных диаспор в Москве в 1920-е гг. За короткий срок в столице СССР была создана система государственных и партийных учреждений, которые решали задачу интеграции полиэтничного населения в общественно-политическую жизнь страны, обеспечивали административный и идеологический контроль. К концу 1920-х гг. эти задачи были решены. Опыт работы с национальными диаспорами, накопленный в исследуемый период, полезен сегодня.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 115-119. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме взаимодействия партийных органов и национальных диаспор в Москве в 1920-е гг. За короткий срок в столице СССР была создана система государственных и партийных учреждений, которые решали задачу интеграции полиэтнического населения в общественно-политическую жизнь страны, обеспечивали административный и идеологический контроль. К концу 1920-х гг. эти задачи были решены. Опыт работы с национальными диаспорами, накопленный в исследуемый период, полезен сегодня.

Ключевые слова и фразы: нацмен; национальная политика; Московский комитет ВКП(б); Отдел нацмен ЦК ВКП(б); национально-этнические клубы; общественные национальные объединения; Софья Самойловна Гончарская; Моссовет; МОНО; Нацмен комиссии; Нацмен уполномоченный.

Крякин Евгений Николаевич*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана**(национальный исследовательский университет)**evgeniyasket@gmail.com***МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ РКП(Б)-ВКП(Б)
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИАСПОРЫ МОСКВЫ В 1920-Е ГГ.**

Москва – многонациональный город с пестрым этническим составом населения. Такое положение дел обусловлено рядом обстоятельств: как географическим расположением – на стыке миграционных потоков, так и столичным статусом города. Поэтому взаимодействие органов городской власти и этнических диаспор в регионе было и остается актуальной проблемой.

В разные исторические периоды в Москве проводилась различная политика по выстраиванию диалога с национальными группами.

В дореволюционной России городские власти порой предпринимали жесткие меры, решая проблемы командными методами, вплоть до выселения из города отдельных народов [4]. В целом национальная политика Российской империи имела общегосударственное направление, специальных городских или региональных органов, работавших с представителями различных народов, до 1917 г. не было.

После революционных событий 1917 г. перед большевиками встала задача поиска новых форм взаимодействия с национальными диаспорами. Они были найдены в 1920-х гг.

Цель статьи – рассмотреть городские государственные и партийные организации Москвы в 1920-е гг. как целостную систему, охватывающую своей деятельностью все основные национальные группы города.

Современные авторы уделяют данной проблеме незначительное внимание. Ряд работ посвящен положению отдельных национальных групп в данный период как в Москве, так и на территории всего СССР [1; 3; 4; 6; 7; 11; 12]. Существуют работы, посвященные становлению органов государственной власти в СССР вообще [16; 17]. Также авторы исследуют положение диаспор в Москве [2]. Однако работ, посвященных системе партийного и административного руководства национальной жизнью в 1920-е гг., нет. Тем не менее это важная тема для понимания непростых процессов государственного образования в послереволюционной России.

В первой четверти XX в. в Москве произошли процессы, сильно изменившие национальный состав ее населения.

В конце XIX в. Москва была крупным промышленным центром, она притягивала миграционные потоки со всех регионов Российской империи и других стран мира. По данным переписи 1882 г., в городе проживало 753 469 человек, 554 910 человек из них относились к категории пришлых, т.е. проживающих в городе, но не родившихся в нем. Среди пришлого населения 182 тыс. прибыли из Московской губернии, 255 тыс. – из соседних регионов, 111 тыс. – из различных окраин империи и 7 тысяч человек были представителями других государств [10]. На рубеже XIX-XX вв. население города стремительно росло.

В конце XIX в. Москва оставалась преимущественно русским городом. В 1897 г. в городе проживало 1 042,6 тыс. человек. Русское население, к которому относились малороссы, великороссы и белорусы, составляло примерно 95% [7]. Национальный состав населения начал меняться с 1914 г. благодаря притоку беженцев из западных губерний. Только 1915 г. принес в город 141 тыс. беженцев, среди которых были поляки, латыши, евреи и представители других народов [6].

Новый этап усложнения национальной картины города пришелся на 1917-1921 гг. Он был связан с глобальными политическими и экономическими изменениями. Новое либеральное законодательство и тезисы большевиков «о праве наций на самоопределение» открыли границы для этнической миграции в город [8, с. 113-150]. Отток городского населения на фронты Первой мировой, затем Гражданской войны сменился новым мощным притоком бегущих от голода в Поволжье 1921 г.: «...одновременно с огромным отливом одной части нацмен из Москвы и губернии происходит другой, новый приток, это – беженский поток татар, башкир, чувашей из мест, охваченных голодом» [5, с. 22].

В 1918 г. в городе проживало 1 718 тыс. человек, в 1920 г. население упало до 1 027 тыс. человек, затем вновь резко выросло до 1 542 тыс. в 1923 г. Доля русского населения сократилась до 84% [4]. Столица нового советского государства стала многонациональным городом, этим гордилась новая власть: «...здесь можно встретить индусов, гавайцев, китайцев, корейцев, японцев, турок, ассирийцев. Многие из них преимущественно

политэмигранты, остаются жить в Москве продолжительное время. Москва, таким образом, становится все больше и больше всемирным интернациональным центром» [5, с. 3]. С началом нэпа Москве вернулся и статус промышленного центра, что дополнительно стимулировало рост населения вообще и рост численности представителей различных национальностей.

В начале 1920-х гг. государственные органы оказались в непростой ситуации: необходимо было привлечь представителей всех диаспор города на свою сторону, интегрировать их в условия новой жизни. Опыта подобной работы у большевиков не было.

В то же время война и революционные изменения оживили диаспоры, представители различных народов стало активно организовываться в союзы и объединения: в Москве функционировали армянский лазарет, «Общество просвещения евреев», «Московское общество охраны здоровья еврейского населения», «Еврейское общество помощи жертвам войны» и многие другие национальные общества [7]. При этом на большую часть населения города партийное и государственное руководство не имело никакого влияния: «...все народы Востока живут замкнуто. До сих пор еще можно встретить женщин нацмен Востока, которые не бывают в обществе мужчин, не желают обучаться с ними в школах и не посещают собраний, на которых присутствуют мужчины» [5, с. 30]. Необходимо было исправлять такое положение дел.

Перед городскими органами встали следующие задачи:

- повышение лояльности к РКП(б) в национальной среде города;
- выстраивание взаимодействия с представителями диаспор через повышение уровня грамотности, обучение национальных масс русскому языку либо создание большевистской литературы на их родных языках;
- выстраивание административного и партийного контроля в национальной среде.

Складывание органов административного контроля началось еще в 1917-1918 гг. В 1917 г. был учрежден Народный комиссариат по национальным делам (Наркомнац), в котором были организованы отдельные комиссариаты: татаро-башкирский, армянский, польский, еврейский, литовский, латышский, эстонский, белорусский, украинский, чувашский, киргизский, чешско-словенский, комиссариат немцев колонистов, вотский, отдел горцев, отдел мари, отдел южных славян и калмыков [5].

В деятельности Наркомнаца были особенности, мешавшие успешно взаимодействовать с национальными диаспорами: «...вообще границы строго еще не определены и рамки их работы зависят от многих случайностей. Некоторые, например латышский и литовский комиссариаты, рассматривают себя как временные учреждения. Другие комиссариаты шире понимают свои задачи: мусульманский комиссариат имеет отдел земледелия и лесопромышленности» [Там же, с. 35].

Минусом было и то, что культурно-просветительская работа Наркомнаца была ориентирована только на русскоговорящее население. С новой волной миграции 1921 г., увеличившей численность жителей города, не знающих русского языка, возникла необходимость коммуникации с представителями разных народов на их родных языках. Необходимо было сосредоточить всю работу в едином учреждении и охватить все сферы национальной жизни города, поэтому в Москве начали появляться новые учреждения, которые должны были непосредственно курировать национальные общины.

Начиная с 1922 г. при Московском комитете РКП(б) был организован Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп отдел) и Отдел по работе с национальными меньшинствами (Отдел нацмен). Отдел нацмен возглавила Софья Самойловна Гончарская, имевшая до этого опыт работы в профсоюзах [Там же, с. 12].

Агитпроп отдел разрабатывал директивные документы, определял зону ответственности работников и направление их деятельности. Вся организационная работа находилась в ведении Отдела нацмен, здесь собиралась информация о численности национального населения, его материальном и культурном положении. Учреждение взаимодействовало с другими органами власти, однако больших полномочий не имело.

В подчинении Отдела нацмен находились инструкторы. Были учреждены должности еврейского, татарского, польского, латышского инструкторов, инструктора по работе среди женщин [Там же, с. 33]. Отдел нацмен контролировал работу с национальным населением всех городских органов, которые имели контакт с ним: *Московского городского совета (Моссовета), Московского отдела народного образования при Моссовете (МОНО)*, молодежных организаций города и губернии – *ВЛКСМ и пионерского движения*. Контроль всей городской работы осуществляли специальные *Нацмен комиссии*. За счет этого осуществлялось единство руководства всеми сферами национальной жизни города.

При *Моссовете* действовали Административный и Земельный отделы. Административный совет курировал добровольные объединения города. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними» обязывал все общественные объединения пройти процедуру регистрации и утвердить свой устав. Документ регламентировал деятельность культурно-просветительных, театральных, художественных, пролетарских, религиозных, научных объединений, обществ взаимопомощи, студенческих землячеств, все они проходили процедуру регистрации. Это были элементы гражданского общества в национальной среде [9]. При возникновении спорных вопросов при регистрации обществ Административный отдел Моссовета обращался в органы НКВД РСФСР, иногда в другие ведомства. Так, когда встал вопрос о регистрации Эллинского культурно-просветительного общества греческих граждан, был подан запрос в подотдел балканских стран Отдела Запада Наркома иностранных дел, который, в свою очередь, отказал «ввиду отсутствия достаточных оснований и не признавая деятельность общества полезной с политической стороны» [14, ед. хр. 605, л. 5-10].

Земельный отдел *Моссовета* ведал национальными колхозами и коммунами, расположенными в Московской губернии. В его ведении находились Трудовая коммуна американских евреев «Герольд», Интернациональная коммуна «Земниекс», Венгерская сельскохозяйственная община. Кроме того, в губернии было

организовано 78 хуторов латышей и эстонцев, немецкая и швейцарская колонии в Воскресенском, Клинском, Волоколамском, Подольском, Можайском и Серпуховском районах [5, с. 40]. Для латышского населения, представители которого были наиболее активны, в губернии организовали 2 детские школы, детский сад, 3 избы-читальни. Образовательная программа составлялась с сельскохозяйственным уклоном, что должно было вызвать интерес у обучающихся.

Активную работу с представителями различных народов города проводил МОНО, который ведал системой национальных школ, детских садов и детских домов через своих уполномоченных нацмен. Гончарская отметила, что плановая просветительская работа среди национальных меньшинств началась только в 1923/1924 гг.: «...конечно она и до этого велась, но она не могла быть систематической, что вполне понятно, так как просвещение в массовом масштабе еще только начиналось, страна только что вступила в полосу мирного строительства» [Там же, с. 44]. В городе действовало 8 национальных школ первой ступени, 5 семилеток, к 1927 г. было образовано 45 школьных групп. На протяжении всех 1920-х гг. в городе функционировало 4 национальных детских дома, 4 детских сада, 1 трудовая коммуна, было организовано 80 ликпунктов, 56 красных уголков, в которых велось политпросвещение [5].

С разрешения МОНО добровольные национальные объединения могли брать под патронаж национальные школы и детские сады. В уставе польского культурно-просветительского общества «Труд», зарегистрированного в Административном отделе Моссовета 21 августа 1922 г. значилось, что общество может изыскивать средства «для нужд польских рабочих, детских садов и национальных клубов» [15, ед. хр. 2, л. 16]. Общество могло курировать польские школы, детские дома и другие учреждения на условиях полного содержания. В ведение общества «Труд» были переданы польская школа имени Розы Люксембург в Хамовническом районе и польский детский дом «Красная звездочка», расположенный по адресу: Большая Молчановка, д. 17 [14, ед. хр. 605, л. 22].

В МОНО не существовало специальных профессиональных заведений для представителей национальных групп города, потому Отдел нацмен настоял на снижении для национальных групп требований к знанию русского языка при поступлении. Это имело негативные последствия, теперь национальные представители города «не могли шагать в ногу с русскими ребятами и вынуждены были оставлять учебу» [15, ед. хр. 9, л. 2]. Тогда при МОНО были открыты курсы ликвидации безграмотности, где преподавался русский язык.

Школы делились на два типа: школа, ведущая обучение на родном языке, но обучающая русскому как основному средству коммуникации (так работали еврейская, латышская, эстонская, немецкая, польская, татарская, армянская, мордовская, молдавская школы), и школа, ведущая обучение на русском, но обучающая родному языку в целях общего культурного развития. Так работали ассирийская и цыганская школы в Москве. Эти нации необходимо было сильнее всего включать в жизнь города по причине особенности их традиций: ассирийцы сохраняли в Москве племенную организацию, цыгане не отошли от кочевого образа жизни. Национальная школа была основным инструментом вовлечения нацмен в жизнь города: родители учеников привлекались для организации праздников и детских площадок, сами дети участвовали в культурно-массовых мероприятиях [5, с. 44].

Большой упор был сделан на работу с молодежью через ВЛКСМ и сеть партшкол. Были организованы школа политической грамотности, вечерняя совпартшкола, женский и марксистско-ленинский кружки. ВЛКСМ объединил 192 национальности. Гончарская в своих воспоминаниях отметила: «...молодежь нацмен, как и вообще молодежь, наиболее восприимчива ко всему более новому, тянется к пролетарской культуре, едет в промышленные и культурные центры, в первую очередь в Москву» [Там же, с. 46]. Через ВЛКСМ работа охватила 45 156 человек.

Отдел нацмен непосредственно курировал национальные клубные организации, организованные для отдельных диаспор. Всего в городе было организовано 15 клубов, некоторые действовали самостоятельно, некоторые находились еще и под руководством добровольных национальных объединений. Например, польское культурно-просветительское общество «Труд» курировало деятельность польского центрального рабочего клуба. Там читались лекции, проводились собрания, велась антирелигиозная и пропагандистская работа, при них действовали кружки и секции [15, ед. хр. 2, л. 3].

По замечанию С. С. Гончарской, рабочие национальные клубы дали наиболее позитивный эффект. Два первых национальных клуба (латышский клуб им. Стучки и польский) появились еще до 1922 г. Там читались лекции, велись занятия, издавались газеты. Польский клуб наладил связь с заводами, на которых трудилась поляки. В дальнейшем этот опыт был взят за основу для всех национальных клубов города. Они стали сосредоточением основной политической работы с взрослыми. В среде национального населения организованы коммунистические фракции, они проверяли своих членов: «...несут ли они какие-либо партийные обязанности, давали партийную нагрузку тем товарищам, у которых таковой нет» [5, с. 14]. Таким образом, клубы обеспечивали высокую идеологическую подготовку.

Одной из функций административных и партийных органов было вовлечение представителей национальных меньшинств в общественную и производственную жизнь. Согласно циркулярному письму Агитпроп отдела МК ВКП(б) отделам работниц уездного комитета партии, «вовлечение женщин работниц и жен рабочих нацмен. в партийные, профессиональные и советские организации и добровольные общества является одной из неотложных задач нашего строительства и нац. политики» [Там же, с. 31]. Для этого рекомендовалось приурочить ко Дню 8 Марта выдвижение женщин в различные производственные организации, в комсомол и пионеры.

В 1925 г. в Москве был устроен День работниц, в рамках которого в партию было принято 37 человек «из поляков и татарок», 27 девушек – в комсомол и пионеры. На производство было определено 35 женщин татарок, 13 женщин перевели на более высокую квалификацию. Все это было организовано как культурно-массовое мероприятие: «...как прием вновь, так и переводы сопровождалось торжественными собраниями с большим подъемом настроения» [Там же, с. 44]. Так решалась проблема вовлечения женщин в жизнь города.

В 1927 г. в выборах в Моссовет принял участие выдвиженец от китайской диаспоры Лянь Куэй [15, ед. хр. 14, л. 27]. Таким образом, национальное население вовлекалось в общественную жизнь города.

Вся эта работа имела определенный успех. Подводя итоги своей деятельности, С. С. Гончарская в 1929 г. отметила: «... клуб как форма объединения политэмигрантов вполне себя оправдал, ибо только в рамках клуба можно развить такие разнообразные формы работы, как массовая, индивидуальная, политическая и общекультурная... в нашей работе приходилось иметь дело почти со всеми национальностями мира, всюду мы старались усилить наше пролетарское влияние в форме агитации и пропаганды на родных языках, учитывая быт и особенности каждой отдельной нации... не было ни одной нац. группы в Москве, в которой не имелось бы более или менее значительного ядра советских интернациональных коммунистов-ленинцев» [5, с. 40].

В 1923 г. работа советских учреждений распространялась на 5 национальностей: латыши, поляки, немцы, венгры, эстонцы. К концу 1925 г. работа велась с представителями уже 15 национальностей, в том числе 8 национальностями политэмигрантов: англичане, американцы, итальянцы, болгары, румыны, югославы, греки. В 1927 г. специальная работа с политэмигрантами прекратилась, они могли изъясняться на русском языке, но добавилась работа среди представителей мордовской нации, чувашей, киргизов, китайцев [Там же, с. 50].

В 1929 г. С. С. Гончарская отметила, что «в Москве придется и впредь вести работы на родных языках» [Там же]. Однако этого не произошло, работа государственных органов была направлена в иное русло.

Успехи по работе с национальными диаспорами, созданию единого культурного уровня всех народов дали повод руководству страны заявить о фактической решенности национального вопроса. Выступая перед колхозниками Таджикистана и Туркменистана 4 декабря 1935 года, И. В. Сталин отметил: «... стало быть, дело с хлопком у вас пойдет, и зажиточная жизнь развертывается. Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, – это дружба народов нашей страны... В старое время, когда у власти в нашей стране стояли царь, капиталисты, помещики, политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ – русский народ – господствующим, а все народы – подчиненными, угнетенными. В октябре 1917 года... у нас развернулась великая пролетарская революция... С тех пор прошло 18 лет. И вот мы имеем уже благие результаты этой политики...» [13, с. 145]. Была достигнута необходимая консолидация национальных групп вокруг ВКП(б), от концепции, провозглашённой Лениным [8, с. 113-150], решено было отойти.

Как следствие, к началу 1930-х гг. существовавшая система городских учреждений была упразднена. Это произошло по ряду причин:

1) задачи интеграции представителей всех народов, проживавших в городе, в общественно-политическую жизнь в основном были успешно решены. Представители диаспор Москвы получали необходимое идеологическое образование на русском языке либо на родных языках, они были вовлечены в производственную, партийную и профсоюзную жизнь, были членами партии, ВЛКСМ, выдвигали своих кандидатов в Моссовет;

2) в условиях свертывания нэпа государство переходило к решению других задач, которые требовали унификации всей административной системы. Культурные различия народов мешали решению этих задач, в 1938 г. советское руководство вернулось к преподаванию русского языка как основного на территории всей страны, отпала необходимость и в специальных органах, работающих с национальным населением.

Таким образом, видно, что в Москве, ставшей столицей нового Советского государства, в 1920-е гг. была создана система городских и губернских органов по работе и взаимодействию с представителями различных диаспор города. Системность заключалась в широком взаимодействии между ведомствами. Был организован Отдел нацмен при МК ВКП(б), также работа велась через Моссовет, МОНО и практически все организации города, работавшие с городским населением и национальными клубами. Это было ответом на изменение численности и национального состава городского населения после 1917 г., а также активизацию жизни диаспор.

К концу 1920-х гг. органы городской власти выполнили основные задачи в национальной среде:

- на новый уровень была выведена грамотность представителей различных диаспор города;
- был повышен уровень лояльности национальных общин к новой власти;
- была проведена работа по сохранению и развитию национальных культур этнических меньшинств;
- была проведена работа по включению представителей различных народов, проживавших в Москве, в общественно-политическую жизнь города.

Работа оказалась успешной. В 1930-е гг. советское руководство перешло к решению ряда масштабных задач, для которых требовались консолидация всех ресурсов страны и изменение национальной политики.

Список источников

1. Бугай Н. Ф. Немцы: 250 лет в России. М.: Гриф и К, 2012. 488 с.
2. Бугай Н. Ф., Назарова Е. А. Национальные общественные объединения Москвы – основа формирования гражданского общества в мегаполисе (конец XX – начало XXI в.). М.: Гриф и К, 2007. 360 с.
3. Гаврилова И. Н. Русские – основное население Москвы // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности / Институт российской истории РАН; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Гриф и К, 2007. С. 13-69.
4. Гессен Ю. И. Москва еврейская. Изгнание евреев из Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/98113> (дата обращения: 20.12.2017).
5. Гончарская С. Работа среди национальных меньшинств (опыт Московской партийной организации). М. – Л.: Гос. изд-во, 1929. 54 с.
6. Дмитриева И. В. Центры национальной культуры Москвы и Московской губернии в начале и в конце XX века: к вопросу о значении исторического опыта [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/436/1476.php> (дата обращения: 20.12.2017).
7. Ильина И. Н. Национальные общества в системе общественных организаций России в XX веке // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности / Институт российской истории РАН; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Гриф и К, 2007. С. 178-198.

8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 24. 568 с.
9. О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения выгоды, и порядке надзора за ними [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК и СНК от 3 августа 1922 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1372.htm (дата обращения: 20.12.2017).
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1897-1905. 244 с.
11. Сон Ж. Г. Интернациональный клуб политэмигрантов имени Загорского (1920-1930 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/75746142> (дата обращения: 20.12.2017).
12. Сон Ж. Г. Российские корейцы: вселилие власти и бесправие этнической общности. 1920-1930. М.: Гриф и К, 2005. 533 с.
13. Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 1. 409 с.
14. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 4.
15. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1492. Оп. 1.
16. Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917-1924 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003. 851 с.
17. Чистяков О. И. Становление «Российской Федерации» (1917-1922). М.: Зерцало-М, 2003. 352 с.

THE MOSCOW COMMITTEE OF THE RCP(B)-CPSU(B) AND THE NATIONAL DIASPORAS OF MOSCOW IN THE 1920S

Kryakin Evgenii Nikolaevich

Bauman Moscow State Technical University
evgeniyasket@gmail.com

The article is devoted to the problem of interaction of party bodies and national diasporas in Moscow in the 1920s. For a short time in the capital of the USSR, a system of state and party institutions was created that solved the task of integrating the polyethnic population into the socio-political life of the country and provided administrative and ideological control. By the end of the 1920s these tasks had been solved. The experience of working with national diasporas, accumulated in the period under study, is useful today.

Key words and phrases: national minorities; national policy; Moscow Committee of the CPSU(B); Department of National Minorities of the Central Committee of the CPSU(B); national-ethnic clubs; ethnic social associations; Sofya Samoilovna Goncharkaya; Mossovet (Moscow City Council); MONO (Moscow Organization of Public Education); National Minorities Commissions; National Minorities Commissioner.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена центральным установкам на телесные болезни, сложившимся в позднеантичной культуре. Раскрывается оригинальное содержание одной из таковых, развитой в контексте раннехристианской антропологии. Анализируются и основания традиции целительства терзаемыми телами христианских мучеников, их вербальными и визуальными репрезентациями. Рассмотрение касается темпоральной структуры открытости будущего, актуализируемой образами жертвенных подвигов мучеников.

Ключевые слова и фразы: поздняя Античность; физическая патология; телесное страдание; жертвенность; помощь мучеников больным; исцеление.

Куксо Ксения Александровна, к. филос. н.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
korsbai@mail.ru

ОТ ФЕТИША К СИЛЕ: ТЕЛЕСНЫЕ БОЛЕЗНИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Влияние биологии Аристотеля и медицины Гиппократ на формирование учения о человеке в поздней Античности» (№ 16-33-01126).

Увечное тело в позднеантичной культуре выступало объектом приложения множества разнородных традиций. Вне обращения к гиппократо-галенистскому учению, в течение многовековой истории особо искусно растворявшему собой различные медико-спиритуальные языки, внимание останавливают традиции, проникнутые артикуляцией зависимости крепости тела от божественного попечительства. И таковая не имела концептуальной монолитности: фигура божественного заступника вызывала противостояние и открытую вражду влиятельных в данном культурном контексте теоретических оптик. В статье будет прослежено становление принципиального отношения к этой проблеме раннехристианской антропологии, предметом рассмотрения выступит характер учрежденного ей разрыва с совокупностью крайне популярных в обозначенный период культов, манифестирующих связь преодоления физического страдания с присутствием божества.

Э. Р. Доддс с высокой долей наглядности характеризует данную эпоху, опознавая в ее неограниченной мозаичности культов и экстравагантных религиозных пророчеств, непосредственно соединяющих мирское и божественное, явление демонизма [6, с. 71-72, 100-102]. На этой культурной почве уязвленность болезнью обретет